

Известно, что как зачинатель многих добрых дел Москва всегда весьма славилась. Но был своеобразный эксперимент, о котором не любили вспоминать в революционное время.

Десять рублей – тяжёлая ноша

Городская дума в конце 1906 г. установила 10-рублёвую оплату с рожениц в родовспомогательных приютах столицы. Москвичам это не понравилось. Вскоре в Думу стали поступать многочисленные обращения о необходимости отмены нововведения. Были заявления от некоторых гласных, от Акушерско-гинекологического общества, коллективное – от «женщин бедных классов населения Москвы», другие.

Вопрос особенно дотошно и мотивированно рассматривался Акушерско-гинекологическим обществом. Это общество направило Думе, что городское управление ранее, развивая и расширяя акушерско-врачебное содействие женщинам, стремилось к возможно большему удовлетворению потребности населения в этой помощи и к уменьшению числа отказов в ней. И что важно: управа признавала необходимым оказывать её бесплатно, считая это лучшим средством борьбы с повитушеством, различными послеродовыми заболеваниями и связанной с этим повышенной смертностью матерей и детей. Новая мера вовсе не сокращала расходов города, а только перемещала их из родильных приютов в больницы. На это указывали и отчёты некоторых земств: установление даже самой небольшой платы с обратившихся за врачебной помощью значительно понижало число этих самых обращений, и одновременно с тем увеличивалось количество людей с разными заболеваниями (в особенности сифилитиков и других заразных больных). Члены Акушерско-гинекологического общества считали, что в основе новой меры лежали замедленные темпы правильного развития городского родовспоможения.

Беда грозила всей стране, так как другие города резонно прислушались к авторитетному голосу Московского городского управления. Врачи говорили: «Если забудут господствовавший до того принцип бесплатности в деле врачебной помощи населению, новый путь, которым пошла Москва, на долгие годы сможет задержать организацию помощи такого важного характера, от которой зависит благосостояние миллионов людей нашей обширной страны».

Все приславшие в Думу свои заявления в 1907 г. сходились на «настоятельной необходимости немедленной отмены установленной в родильных приютах платы». Точно так же высказался и Врачебный совет при Московской управе. Члены совета, близко знакомые с городскими родильными приютами и

Былое

Роды — за деньги

Москва на долгие годы могла задержать развитие важнейшего вида медицинской помощи



их клиентками, указывали на то, что цель, которая была намечена управой, а именно получение значительного сбора с рожениц в возмещение расходов города на родильные приюты, едва ли будет достигнута.

Врачи указывали, что такими приютами пользовалось в основном неимущее население, что число рожениц, которые могли бы оплатить оказываемую им помощь, было весьма незначительно (не превышало 10% от общего числа клиенток). К тому же нужно было принять во внимание, что рожениц принимали в приюты без «видов на жительство», то есть по возможности – всех обратившихся, в числе которых некоторое количество вовсе не могло произвести оплату.

Все мнения, заключение Врачебного совета и другие относившиеся к этому делу материалы были переданы «Соединённому совещанию Комиссии общественного здоровья и Финансовой комиссии». Совещание, как оказалось, одобрило общенародный разумный взгляд на проблему и пришло к выводу о правомерности немедленной отмены установленной в родильных приютах оплаты. Члены Финансовой комиссии потирали руки, так как ещё в пояснительной записке к проекту сметы на 1907 г. ими высказывались обоснованные сомнения о возможности применения новой меры. Опыты первых месяцев после введения оплаты

убедили обе комиссии, что сомнения не были голословными.

Вместе с тем на Соединённом совещании отметили, что предположение управы, будто родильными приютами широко пользуются и женщины состоятельных классов, не имело никаких достаточных оснований. Наоборот, практика приютов постоянно показывала обратное: в них рожали лишь беднейшие женщины. А для последних внесение в кассу приюта 10 руб. – не только тяжёлая ноша, но и вынужденная причина обращения к бытовому повитухам, где акушерская помощь простой женщины, не обученной медицинским навыкам, стоила гораздо дешевле.

За те месяцы, когда за роды в городских приютах надо было давать деньги, число рожениц в них не только не увеличилось (а этого можно было бы ожидать при естественном приросте населения Москвы), а даже сократилось на 354 человека. Не нужно гадать, куда эти самые роженицы обратились за помощью. Вероятность того, что впоследствии женщины, сэкономившие для домашнего бюджета 10 руб., получили септические заболевания и другие послеродовые недуги, весьма высока. И в значительной мере это имело место на практике.

Что же касалось финансовых вливаний в казну в результате новой меры, то они оказались неблестящими. Так, в городской кошелек поступило: в январе –

2261 руб., в феврале – 1862 руб., позднее – и того меньше. А ведь управа с появлением новых москвичат рассчитывала получить от их мам за год ... 85 тыс. руб. (!). Эта сумма была очень далёкой от реалий жизни.

В итоге: Соединённое совещание Комиссии общественного здоровья и Финансовой комиссии предложило Московской думе немедленно отменить 10-рублёвую плату в городских родильных приютах.

Дума с этим заключением комиссий согласилась и в своём заседании 10 апреля постановила введённый ранее сбор отменить.

Маленькие москвичи, родившиеся в московских родильных приютах в период с 1 января по апрель 1907 г., оказались для своих родителей «дорогими» в прямом и переносном смысле.

Попытка выбрать

Наткнуться в московской прессе на рядовое объявление об услугах бабки-повитухи не составляло особого труда: «завывалок» в разграниченных на газетных полосах квадратиках было множество. И это имело свой смысл, так как попасть в московский родильный приют было совсем нелегко. Да и число приютов уменьшилось – в 1910-х годах их осталось лишь 10. Но всё равно сюда из разных концов города приезжали матери за помощью.

Ещё в 1910 г. родовспомогательные больничные заведения города отказали в приёме 1140 роженицам. В 1911 г. их было 1265. Каждые 4 матери из 100 получали отказы за недостатком мест.

Когда на всех штатных и запасных кроватях уже находились женщины, вновь поступавших рожениц клали где приходилось: на постеленных на пол соломенных матрацев в коридорах, в пеленальных комнатах, где-то ещё, о чём и представить себе трудно. Новых обратившихся не брали, когда в комнатах, рассчитанных на 30 мест, помещали 70 человек.

В Морозовском родильном приюте в 1912 г. приняли 806 «лишних» рожениц, в Бахрушинском – 369, в Лепёхинском – 1104. Нетрудно представить, какими там были санитарное состояние, теснота, недостаток обыкновенного воздуха, суэта и напряжённость работы акушеров. Потому плохой была и статистика: один ребёнок из 30 родившихся тут же, в приюте, умирал, а один из 10 регистрировался как недоношенный.

Если взять свод отчётных записей Лепёхинского приюта, то можно отметить бытовые условия прибывших сюда рожениц.

Условия проживания	1909 г., %	1911 г., %
жившие в квартирах (более благополучные)	32,8	29,4
занимавшие с семьёй одну комнату	40,7	53,4
занимавшие с семьёй «угол»	7,4	10,4

В огромном большинстве в приюты обращались женщины из малообеспеченных семей (безработные домохозяйки, прислуга, жёны простых ремесленников, фабричных). Поскольку роженицам был дорог каждый рабочий день, то вместо положенных для нахождения в приюте 9 дней они проводили здесь только 6. Женщины уходили на работу или к привычным бытовым делам ослабленными, с не восстановленным после родов организмом.

Татьяна БИРЮКОВА, историк, москвовед.

НА СНИМКЕ: ещё в 1908 г. на средства Бахрушиных в больнице был открыт родильный приют.

Архивариус

В Индии, по донесениям местных властей, сто лет назад ежегодно от укусов ядовитых змей умирало от 21 до 27 тыс. человек. Такое количество смертей оставалось для начальства непонятным и не имело разумного объяснения. В конце концов, в подозрительной статистике смогли разобраться. Реальность оказалась простой.

Жизнь индийцев в деревнях подчинялась определённому

Подтверждали с клятвой

порядку: когда кто-либо из них заболел и умирал, сельский старшина был обязан уведомить о том ближайшего к местности официального врача. Доктор имел на этот счёт правительственную инструкцию о вскрытии и исследовании направленного к нему тела.

Но если человек имел не-

счастье пострадать от укуса змеи, в этом случае тело не подлежало транспортировке к врачу. И вполне достоянием считалось дать удостоверение этого факта назначенным в деревне «старшим» поселянином. Такой уполномоченный должен был добавить к сему скорбному сообщению не-

сколько свидетельств местных жителей.

Поскольку для родственников умершего было долго и накладно везти тело покойного до места нахождения ближайшего врача из-за весьма существенных расстояний между поселениями, в дальних провинциях возникло обыкновение обо всех

случаях смерти независимо от причин давать информацию, что человек скончался от укуса ядовитой змеи. Без сомнения, деревенские обыватели всегда готовы были подтвердить, даже с клятвой, что покойник действительно стал жертвой «подколотной». Это стало вполне обыденным в весьма трудных условиях выживания аборигенов в разных областях огромного полуострова.

Ирина ИВАННИКОВА.